

Глава 35. Пылинки сдувать!

Слухи о «блинчиках для составителя Академии Ханьлинь» постепенно разнеслись по всей столице. Вэйшэн крутился как белка в колесе: доходы выросли вдвое, но и работы прибавилось соразмерно. В его голове уже вовсю роились сладкие грезы о том, как он сколотит на кулинарном поприще целое состояние, однако Цан Доушань раз за разом безжалостно рубил эти фантазии на корню лаконично: «Не выйдет».

Вэйшэн откровенно досадовал на подобные пророчества, хотя в глубине души и сам ощущал смутную тревогу.

Сам же Ян Чжибай, ежедневно заваленный работой по горло, даже не подозревал о происходящем.

Когда популярность блинчиков достигла своего пика, у прилавка объявилось несколько практиков. Назвавшись членами общества Усян, они принялись настойчиво убеждать компаньонов свернуть торговлю и примкнуть к их союзу. Мол, дело это куда более заманчивое: тут тебе и ежемесячное жалованье, и ресурсы для совершенствования — всяко лучше, чем возиться с тестом. Да и вообще, почтенным практикам негоже торговать на улице, позоря всё сословие и подрывая его авторитет.

Получать деньги за безделье — кто бы отказался? Вэйшэн с любопытством прищурился:

— И сколько же вы платите в месяц?

— Монетами выходит немного, — ответил один из гостей, мужчина средних лет. — Практикам ведь ни к чему тратиться на мирскую еду, так что платим всего двадцать монет. Зато общество Усян снабжает своих людей снадобьями и редкими материалами! К тому же у нас можно обмениваться опытом и мериться силами с другими собратьями по оружию. Для бродячих практиков — идеальные условия!

Вэйшэн быстро прикинул в уме: это жалкое жалованье не покрывало и половины того, что он зарабатывал на лепешках за пару недель. Да и обещанные ресурсы, небось, просто так никто не выдаст — придется спину гнуть на благо общества, чтобы заработать очки вклада. Что же до «обмена опытом»... Хм, когда у тебя под боком такой мастер, как Цан Доушань, все эти поединки да разговоры теряли всякий смысл.

— Благодарю, но нам это не интересно, — отрезал Вэйшэн.

Посланник общества Усян явно не ожидал столь резкого отпора. Опешив на мгновение, он перевел взгляд на безмолвного Цан Доушаня:

— А вы что скажете, почтенный даос? Стоит ли рубить с плеча?

Цан Доушань, выросший в стенах древнего и уважаемого ордена, всегда свысока смотрел на эти сомнительные сборища бродяг. Он лишь сухо бросил:

— Я во всём полагаюсь на его решение.

Поняв, что здесь ловить нечего, гость уязвленно процедил:

— Что ж, раз вы столь упрямы, не смею более отвлекать вас от вашей... — он выделил последнее слово ядовитым нажимом, — торговли лепешками.

— Тебя не спросили, — ледяным тоном осадил его Цан Доушань.

Заезжий практик позеленел от злости. Круто развернувшись, он в ярости взмахнул широкими рукавами и поспешил прочь.

Цан Доушань проводил его хмурым взглядом. Было ясно как день: эти люди так просто не отступятся.

Общество Усян перешло к делу без лишних проволочек. Уже на следующее утро у прилавка замаячили неприятности. К лотку ленивой, развязной походкой приблизилась шайка оборванцев с травинками в зубах. Один из них ткнул грязным пальцем в мясную лепешку:

— Почём торгуешь, мужик?

Цан Доушань, сидевший на втором этаже, почуял неладное. Распахнув створки окна, он с любопытством устроился на подоконнике, подперев подбородок ладонью и приготовившись наблюдать за представлением.

— Одна монета за штуку, — спокойно ответил Вэйшэн.

— С чего вдруг так дорого?! — заводила бесцеремонно ткнул пальцем в блинчик, прорвав тонкое тесто. Слизнув прилипшую к коже начинку, он демонстративно сплюнул на землю: — Тьфу, гадость! Деревом несёт! Ты какой чертовщиной пользуешься, а? Решил опилками вместо мяса честных людей пичкать?!

Сверху донеслось негромкое фырканье — Цан Доушань не сдержал смеха. Вэйшэн вскинул голову, ловя его взгляд. Спутник едва заметно улыбался, словно одобряя любой исход. Этого знака Вэйшэну хватило. Обернувшись к незванным гостям, он мгновенно растерял всё дружелюбие:

— Орать на всю улицу завязывай. Ты хоть раз в жизни опилки-то пробовал, знаток хренов? Раз не жрал, то и нечего тут пасть разевать!

— Ишь ты, огрызается ещё! — загорланил бандит. — Ты налоги за место платишь, ушлёпок? Нам хоть медную монету занёс, чтобы лоток свой тут громоздить? Разрешения у нас спрашивал?!

Вэйшэн лишь лениво окинул его взглядом:

— А ты, собственно, кто такой?

— Отец твой родной! — осклабился заводила, ткнув себя пальцем в грудь.

— А я твой дед! — рявкнул Вэйшэн. — А ну, падай на колени, уважь старика!

Раздался глухой стук — колени бандита сами собой подогнулись, и он мешком рухнул на брусчатку. Вэйшэн тут же расплылся в улыбке:

— Ну вот, другое дело. А то раскричался на дедушку... Нехорошо!

Главарь побагровел от ярости. Попытался подняться, но ноги словно налились свинцом и не слушались. Поняв, что дело нечисто, он заорал своим прихвостням:

— Чего застыли, кретины?! Разнесите тут всё к чертям собачьим!

Шайка рванулась вперед. Вэйшэн, недолго думая, перехватил тяжелую сковороду. Резким взмахом он швырнул кипящее масло вместе с недожаренными лепешками прямо в физиономии нападавших. Обошлось даже без магии — брызги раскаленного жира мгновенно остудили пыл бандитов. С воплями и визгом те повалились на землю, катаясь по пыльной брусчатке и хватаясь за обожженные лица.

— Ты... ты у меня ещё попляшешь! — выплюнул напоследок избитый шаблон вожак, после чего банда, стеная и поддерживая друг друга под руки, позорно ретировалась.

Вэйшэн с самым благодушным видом вернул сковороду на жаровню и снова посмотрел наверх. Цан Доушань, пряча улыбку, покачал головой и с сухим стуком захлопнул створки.

Вэйшэн озадаченно почесал переносицу.

«Неужто вышло недостаточно эффектно?» — подумал он. Поразмыслив, он пришел к выводу, что махать грязной сковородкой на глазах у всех — занятие слишком приземленное и не подходит истинному практику. «Ладно, в следующий раз сразу пуцу в ход заклинания».

Ближе к вечеру пожаловал посланник от самой банды. Это был практик начальной ступени,

облаченный в длинный чистый халат и всем своим видом напоминавший благообразного книжника. Говорил он вежливо, но в мягком голосе сквозила холодная угроза:

— То, что вы забыли засвидетельствовать почтение нашей гильдии перед открытием лавки, мы готовы списать на обычное неведение. Однако пошлину заплатить придётся. К тому же наши ребята получили тяжелые ожоги, и вам надлежит возместить расходы на их лечение.

Вэйшэн согласно кивнул:

— Дело справедливое, за лечение я заплачу. Но позвольте узнать: если мы внесем плату вашей гильдии, убержёт ли это нас от посягательств со стороны других любителей легкой наживы?

— Разумеется, — подтвердил «книжник».

Вэйшэн без лишних споров отсчитал нужную сумму и на прощание любезно проводил гостя до конца переулка, чем немало смутил сурового вымогателя.

Однако уже на следующий день порог перешагнули новые вымогатели. Зазвучала старая песня:

— Эй! Кто разрешил лоток ставить? Вы банде «Лютых тигров» долю занесли? Живо гоните монеты!

Вэйшэн, ожидавший подобного исхода, даже бровью не повёл:

— Мы уже всё уплатили. Не верите — спросите у парней из «Восьми сторон».

— «Восемь сторон»? Что ещё за сброд, знать таких не знаем! — Этот смутьян оказался покрепче предыдущих — не просто уличная рвань, а начинающий практик с простеньким духовным оружием на поясе. Засучив рукава, он грозно засопел: — Ты мне тут зубы не заговаривай. Платить будешь или как?!

— Ищи дурака в другом месте. Пошёл к чёрту! — не успел Вэйшэн договорить, как прямо с неба опустился глиняный чайник и в мгновение ока засосал внутрь всю банду.

Цан Доушань, неторопливо спустившись со второго этажа, проговорил:

— Зачем тратить время на пустую болтовню? Из-за этих бездельников мы только покупателей распугаем.

— Твоя правда, — согласился Вэйшэн.

Однако на этом злоключения не закончились. Злопамятное общество Усян решило пойти напролом: на следующий день лоток окружила целая толпа вооруженных молодчиков. Лица их не предвещали ничего хорошего. Вэйшэн, впрочем, не растерялся. Он с самым любезным видом заявил, что все финансовые вопросы решает исключительно «главный хозяин лавки», и битый час развлекал бандитов пустой болтовней. Прохожие, завидев это сборище, испуганно шарахались в сторону.

А Вэйшэн просто тянул время, ожидая Яна Чжибая.

Тот в это время изнывал на службе в Академии, измотанный до полусмерти бесконечной бумажной волокитой.

Кое-как разобравшись с делами, Ян Чжибай устало покинул стены Академии Ханьлинь. Убедившись, что поблизости нет коллег, он с наслаждением потянулся, как вдруг кто-то бесцеремонно хлопнул его по плечу. От неожиданности у бедного чиновника чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

— Дружище Ян, а ты слыхал про ту лавку с лепешками, о которой сейчас все судачат?

Ян Чжибай застыл как вкопанный:

— Какую ещё лавку?

— Да в столице только о ней и говорят! — охотно пояснил его коллега, архивариус Лэчжэн Ин. — Называется «Блинчики для составителя Академии Ханьлинь». Сегодня в обед сам господин бакалавр прослышал об этом и пришел в такое неистовство, что щепки летели!

— Понятия не имею, о чём ты, — буркнул Ян Чжибай.

Сейчас его волновало лишь одно: добраться до дома, опустить гудящие ноги в таз с горячей водой и рухнуть в постель.

— Хм, странно. Говорят, они обосновались как раз неподалеку от твоего жилища. Да и лепешки, которые ты уплетал по утрам в последнее время, один в один похожи на те, столичные. Может, присмотришься? Захвати мне парочку завтра, а?

Слова Лэчжэн Ина заронили в душу Чжибая нехорошее предчувствие. Кое-как отмахнувшись от навязчивого приятеля, он наспех нанял повозку и велел погонять к своему дому.

Но едва экипаж остановился у ворот, Ян Чжибай обомлел. Вся улица перед его домом была запружена народом. Стоило ему ступить на землю, как сотни людей одновременно уставились на него с гробовым молчанием. От столь зловещего единодушия у чиновника подкосились колени — он всерьез решил, что его пришли убивать.

Однако худшие опасения не подтвердились. Высокий мужчина, стоявший во главе толпы, внезапно отвесил Чжибаю церемонный поклон, развернулся и зашагал прочь. Вся кавалькада послушно двинулась за ним, оставив вконец растерянного хозяина стоять с открытым ртом.

— Что здесь, во имя всех духов, происходит?! — только и смог выдать он.

Навстречу ему сияющим самоваром выкатился Вэйшэн:

— О, явился наконец! Ну, друг мой, век тебя не забуду! Сегодня ты нас буквально спас, ха-ха-ха!

Ян Чжибай перевел ошеломленный взор с его довольной физиономии на угол дома и обомлел. Там, прислоненная к стене, стояла новенькая деревянная вывеска, расписанная каллиграфическим, на удивление изящным почерком: «Блинчики для составителя Академии».

В голове у Чжибая словно разорвался пороховой снаряд.

— Это... это твоих рук дело?! — взвыл он.

В следующий миг кровь хлынула ему в лицо от ярости:

— Как ты посмел прикрываться моим честным именем ради своей грошовой торговли?!

Вэйшэн, предвидевший эту бурю, картинно всплеснул руками:

— Помилуй, где же тут обман? Разве ты не ел мои лепешки? Ел! Значит, чистая правда. К тому же я ведь не вывел аршинными буквами «Лавка составителя Яна Чжибая». Написано просто — «для составителя». Мало ли в столице писарчуков? С чего ты взял, что все подумают на тебя?

Яна Чжибая перекосило от негодования. Он хватал ртом воздух, не в силах подобрать приличные слова, пока наконец не выкрикнул:

— Из-за твоей глупой выходки пострадала репутация всей Академии! Сам господин бакалавр рвет и мечет! Как мне теперь коллегам в глаза смотреть?! Я эту чертову доску сейчас в щепки разнесу!

С этими словами он яростно засучил рукава и ринулся к вывеске. Вэйшэн, разумеется, стоять в стороне не собирался и мгновенно загородил дорогу:

— Почтенный составитель, побойтесь неба! С чего вдруг такая дикость — чужое имущество крушить?

— А вот возьму и разобью! — прорычал доведенный до белого каления книжник и навалился всем телом. Вэйшэн никак не ожидал от тщедушного чинуши подобной прыти, покачнулся и упустил преимущество. Ян Чжибай проскользнул мимо него, схватил вывеску и уже занес её для удара о мостовую. Вэйшэн коршуном бросился наперерез, мертвой хваткой вцепившись в дерево:

— Руки прочь!

— Пусти, разбойник! — пыхтел Чжибай, пытаясь вырвать доску.

— Это я-то разбойник? Сам ты разбойник, и вся твоя родня до седьмого колена! — огрызнулся Вэйшэн.

Оба отчаянно тянули деревяшку на себя, но действовали осторожно: Вэйшэн боялся ненароком покалечить хрупкого книжника, а тот страшился получить сдачи от не в меру сильного торговца. Борьба свелась к нелепому перетягиванию доски, пока Ян Чжибай случайно не заметил строки вывески. Он на миг замер, приглядываясь:

— Погоди... Какой слог! И начертание... Какая благородная кисть!

— Моё! — воспользовавшись его замешательством, Вэйшэн рванул вывеску на себя. Доска с сухим треском перекинулась в его руки. Громогласно расхохотавшись, он взлетел по ступеням на второй этаж:

— Доушань, гляди! Я спас наше сокровище!

Цан Доушань, вышедший на шум, недовольно поморщился:

— Сколько тебе лет, Вэйшэн? Ведешь себя как малый ребенок.

— Да этот грамотей хотел нашу вывеску расколошматить!

Цан Доушань устало вздохнул и понизил голос до шепота:

— Зачем ты с ним препираешься? Неужели деревяшка тебе дороже человека? Вывеску я новую напишу за пять минут. А вот если наш почтенный составитель в гневе съедет, на кого мы будем ссылаться в торговле?

Вэйшэн нехотя признал его правоту, но все же упрямо прижал доску к груди:

— Но ведь эту ты сам выводил! Жалко...

Цан Доушань лишь покачал головой и, обойдя упряма, быстро спустился во двор. Подойдя к потиравшему ушибленный бок чиновнику, он вежливо поклонился и мягко произнес:

— Господин составитель, прошу вас, не серчайте. Мой спутник неотёсан и глуп, не держите на него зла.

Ян Чжибай, спешно отряхивая полы халата, вдруг ухватил Доушаня за рукав. Он смотрел с лихорадочным блеском:

— Позвольте узнать... Неужто эти строки начертали вы?

Цан Доушань от неожиданности растерялся:

— Да, я. А в чём дело?

— Потрясающе! Какая твердая, изысканная рука! — восхищенно всплеснул руками Ян Чжибай.
— Быть может, у вас найдутся и другие свитки? Не сочтите за труд, дозвоьте взглянуть хотя бы глазком!

Восстановив душевное равновесие, Цан Доушань тепло улыбнулся:

— Разумеется. Прошу вас, проходите.

Вэйшэн остался стоять во дворе, сиротливо опираясь на отвоеванную вывеску. Глядя, как эти двое, увлеченно беседуя, скрываются в дверях кабинета, он почувствовал, как внутри закипает глухая досада. Опустив взгляд на драгоценную дощечку, он бережно провел ладонью по гладкому дереву и твердо решил:

«Повешу в спальне на самое видное место. Буду пылинки сдувать!»

<http://bllate.org/book/18329/1866322>